

A close-up portrait of Andre Leon Telley, a Black man with a serious expression, wearing a straw hat with a dark band and a red jacket over a white shirt. The background is a plain, light color.

БЕСТСЕЛЛЕР
NEW YORK TIMES

**АНДРЕ
ЛЕОН
ТЕЛЛИ**

**МОИ
ШИФФОНОВЫЕ
ОКОПЫ**

МЕМУАРЫ
ЛЕГЕНДЫ
VOGUE

18+

Мода. TRUESTORY

Андре Леон Телли

**Мои шифоновые окопы.
Мемуары легенды**

«ЭКСМО»

2020

УДК 745.5
ББК 85.126

Телли А.

Мои шифоновые окопы. Мемуары легенды / А. Телли —
«Эксмо», 2020 — (Мода. TRUESTORY)

ISBN 978-5-04-165431-3

Мемуары Андре Леона Тэлли – не просто рассказ о его сложном пути, а откровенная исповедь человека, чья карьера внезапно разбилась о жестокие стандарты индустрии. В своей книге Андре впервые поделился воспоминаниями о тяжелом детстве и насилии в возрасте 8 лет, о переезде в Париж и сотрудничестве с Энди Уорхолом, о дискриминации со стороны модного Дома Yves Saint Laurent и службе в Vogue, где он заработал себе имя, репутацию и душевные травмы, о которых не стеснялся говорить. Андре приоткрыл завесу глянцевого индустрии, в полной мере передав дух эпох клуба Studio 54, показов Джанни Версачи и Джона Гальяно, взлета карьеры Наоми Кемпбэл и других культовых явлений тех времен. Представил десятки архивных фото и эксклюзивных историй, позволяющих трезво взглянуть на представителей моды последних пятидесяти лет: от Дианы Вриланд и Бьянки Джагер до Марка Джейкобса и Тома Форда. А также узнать, почему прервалась 40-летняя дружба с Карлом Лагерфельдом, и что стало истинной причиной ссоры Андре с Анной Винтур. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 745.5
ББК 85.126

ISBN 978-5-04-165431-3

© Телли А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Предисловие	7
I	10
II	20
III	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андре Леон Тэлли

Мои шифоновые окопы: мемуары легенды Vogue

*Преподобному Доктору Кальвину О. Баттсу III, священнику
Абиссинской баптистской церкви, Нью-Йорк, посвящается
Светлой памяти Ли Бувье Радзивилл*

*Как я смогла это преодолеть,
как я смогла это преодолеть.
Моя душа оглядывается и задается вопросом,
как же я смогла это преодолеть.*

Клара Ворд

Andre Leon Talley
The Chiff on Trenches
Copyright © 2020 by Cornell Street, Inc.
All rights reserved.

© Кокеева А. М., перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие

За более чем четыре десятилетия я побывал во множестве поездок с журналом Vogue и его главным редактором Анной Винтур, самым влиятельным человеком в мире моды. Я тоже обладал определенным влиянием, был хорошо известен и выступал ревностным поборником моды и стиля.

Vogue стал моим источником вдохновения еще в подростковом возрасте. В то время как другие ребята расклеивали на стенах фотографии своих бейсбольных кумиров, моя комната пестрела страницами из самого авторитетного модного журнала. Но, будучи двенадцатилетним подростком, который рос в условиях сегрегации на юге страны, я даже в самых смелых фантазиях не мог вообразить, что темнокожий мужчина способен играть хоть какую-то роль в этом мире. Путь, который я прошел, который *мы прошли* за эти годы, поистине поразительный.

И тем не менее очень многое, конечно же, еще предстоит сделать.

Я пишу эти строки под впечатлением от обложки сентябрьского номера Vogue 2018 года. На ней – Бейонсе Ноулз-Картер, и в каком-то смысле это еще одна фотография из огромного списка, которая в результате кропотливой работы стала обложкой Vogue. И все же она стоит особняком.

Этот снимок и тот контекст, который в нем заложен, невероятно важны и значимы. Когда смотришь на нее, зная, что Анна Винтур, чей утонченный вкус определял стиль Vogue на протяжении десятилетий, предоставила Бейонсе полную свободу творчества в работе над обложкой и центральным материалом номера, то начинаешь понимать всю важность этого события. И это *сентябрьский*, а значит, ключевой номер года! Бейонсе представляет собой потрясающий сгусток таланта и энергии. Она не вмещается в культурные стандарты, определяющие Vogue; она сама задает стандарты.

Когда я впервые увидел эту обложку, я знал, что за ней стоит целая история. Выбранный с подачи Бейонсе двадцатитрехлетний Тайлер Митчелл стал первым темнокожим фотографом, снявшим обложку Vogue, за сто двадцать пять лет истории этого журнала, одного из самых престижных в мире.

Это не дорогая студийная съемка: Бейонсе стоит где-то на лужайке, фоном служит белое полотно на веревке, похожее на недавно постиранное белье. Сложная конструкция из цветов в прическе в стиле рококо, длинное лаконичное платье от Gucci, естественный макияж, увлажненная кожа. Ее колени обнажены, но сведены вместе – никаких намеков или откровенной сексуальности.

У меня этот образ пробуждает воспоминания о сохнущем на свежем воздухе белье. В работе Митчелла есть ассоциации с прачкой, этой представительницей исчезнувшей профессии, доставлявшей белоснежное белье в большой белый дом белого господина. Свежесть и безупречная белизна. Вспоминается и Сисели Тайсон в фильме «Саундер», зарабатывавшая деньги, чтобы прокормить свою семью. На память приходят и мои бабушка с прабабушкой, согбенные над еженедельной стиркой – одной из их многочисленных обязанностей – и падавшие с ног от усталости, ибо они свято верили, что «чистота стоит рядом с благочестием» и это часть смиренного образа жизни.

Во всем своем великолепии эта белая простыня символизирует столько же темнокожих женщин, знающих цену своей красоте, но вынужденных зарабатывать стиркой, чтобы прокормить свои семьи. Для меня она черная. Черная по своей сути. Черная с особым стилем.

Как метко заметил Митчелл в интервью Vogue, посвященном этой съемке: «К темнокожим людям так долго относились как к вещам».

Я усматриваю здесь влияние Кары Уокер, Элис Уокер, Зоры Нил Херстон, а также тысяч безымянных матерей и горничных, для которых стирка – способ выжить. Меня это восхищает. Свежий, беспрецедентный, не имеющий аналогов в истории обложек Vogue сюжет.

Знание – это сила. В продолжение темы на страницах Vogue Бейонсе пишет о том, как, изучая свою родословную, обнаружила, что является потомком рабов. Это своего рода эволюция и даже скорее революция. Она описывает, как мучительно пыталась восстановить форму после рождения первого ребенка и как после появления на свет близнецов приняла свой выпирающий живот и более полные руки. Будучи темнокожей женщиной, она вдохновит людей.

Единственный раз, когда Бейонсе появлялась на обложке Vogue до этого, сопутствующей статьи в номере не было. Она тогда хотела сама у себя взять интервью, но ей не позволили. В *этот* раз, в 2018-м, она полностью контролировала творческую составляющую, впервые предложив кандидатуру темнокожего американского фотографа для съемок обложки и рассказав свою историю для номера так, как считала нужным. Бейонсе может это сделать, потому что она самая популярная женщина в мире. И она так поступает, потому что... Почему? Да потому, что она прекрасно знает, каково это – быть черной женщиной или черным мужчиной в этой стране.

Мы изо всех сил пытаемся выстоять и преодолеть веками укоренившееся превосходство белых, неравенство и несправедливость во всех аспектах жизни в великой Америке.

Я с чувством гордости написал статью для воскресного номера Washington Post о культурном значении обложки Бейонсе. После ее публикации я отправил ссылку на статью Сьюзан Плейджмен, издателю Vogue. Она пришла в восторг и разослала ее всем ведущим редакторам издательства Condé Nast, включая Анну Винтур.

Ни один из этих редакторов не написал мне. От Анны Винтур не пришло даже короткого имейла.

Редакторы, с которыми я работал на протяжении десятилетий, не осознали всей важности случившегося, так как просто не способны на это. Никто из моих современников не видел мир глазами чернокожего.

Долгое время я оставался единственным представителем своей расы в высших эшелонах фэшн-журналистики, но я был слишком занят делом, которому посвящал все время, чтобы задумываться об ответственности, налагаемой этой ролью. Меня переполняют воспоминания, и сейчас я считаю своим долгом рассказать историю о том, как темнокожий мужчина выжил в шифоновых окопах и вышел победителем.

Несмотря на то что многое изменилось к лучшему, я все еще прекрасно осознаю, что в этой стране я черный. А также что человек с моим цветом кожи должен работать в тысячу раз усерднее, чтобы претворить в жизнь пресловутую американскую мечту. Я знаю, что, просыпаясь утром в этой стране, темнокожий мужчина – вне зависимости от степени своей успешности или неуспешности – будет делать то, что предопределяет его расовая принадлежность, и продвинется настолько далеко, насколько она позволит. Независимо от рода деятельности или положения, от того, какую карьеру вы выбираете, будучи темнокожим, вы каждый день находите подтверждение тому, что наша страна была основана на ложных представлениях и чванстве расистов и рабовладельцев. Вас не покидает мысль: «Только по милости Божьей я иду»¹.

Расизм проникает под кожу как неизменная данность, как постоянная реальность. Он вплетен в полотно нашего существования.

Корнел Уэст говорит, что мы блюзовая культура. Мы сочиняем блюз, просыпаясь каждое утро. «Доброе утро, боль души. Я встаю. Да, я встаю, слава Богу!»²

¹ Строка из песни «There But for the Grace of God Go I» из альбома «Outta Here» группы The Gories.

² Автор имеет в виду песню «Good Morning Heartache», написанную Ирине Хиггинботэм, Эрвином Дрейком и Дэном Фишером и вошедшую в репертуар американской певицы Билли Холидей.

Надежда умирает последней. Ты должен подняться и начать творить свои собственные чудеса – и так каждый день. Я прошел по жизни, опираясь на силу надежды, память о моих предках и безусловную любовь тех, кто мне ее дарил. Даже когда на небе нет солнца, в моей жизни есть солнечный свет. Надеяться просто необходимо. Это словно пройти по канату – опасно и рискованно, и все же нужно встать и сделать первый шаг.

Возрадуемся Бейонсе и ее черной коже, возрадуемся Тайлеру Митчеллу и его черной коже, а также всем поколениям, стоящим за ними. Я испытываю невыразимую радость от этого поворотного момента в истории и за будущее моды.

Нельзя недооценивать силу знания. Когда люди обращаются ко мне за советом, я отвечаю им две вещи: «Никогда не предавайте свою мечту» и «Прилежно делайте свою домашнюю работу». Под домашней работой можно подразумевать многое, но делайте ее по жизни. Стилль откроет для вас любые двери; обстоятельность и знания позволят вам достичь новых горизонтов. Глубокие знания – самый главный ресурс, позволивший мне подняться по карьерной лестнице до той точки, где я нахожусь. Реки глубоки, горы высоки³. Именно знания свели меня с людьми, которые сыграли важную роль в моей жизни. На протяжении всей карьеры дизайнерам нравилось общаться со мной, потому что я учился, учился и учился и стремился узнать как можно больше.

Не все шло гладко, часто приходилось плыть сквозь шторм. Но мне встречались доброта и люди, близкие по духу, и это открывало для меня новые возможности.

Я успешно пробирался по шифоновым окопам, и надеюсь, что вы сочтете мой путь смелым и решительным. Сейчас мне за семьдесят, но мой мозг работает как в двадцать девять. Я похож на огромный галеон, пострадавший во множестве битв и медленно плывущий в гавань. И все же я не сдаюсь и продолжаю ясно и уважительно озвучивать свою позицию. Я никому не кланяюсь и прокладываю свой путь, опираясь на воспоминания о том хорошем, что было в жизни, которая все еще не закончилась. Прошлое делает меня сильным.

³ Автор ссылается на песню «River Deep – Mountain High» Айка и Тины Тернер, которая, по версии журнала Rolling Stone, вошла в список 500 величайших песен всех времен.

I

Я родился в ныне снесенной больнице на окраине уважаемого района Джорджтаун в Вашингтоне, округ Колумбия. Через два месяца после моего рождения родители Альма и Вильям Кэрролл Телли отвезли меня в дом бабушки в городе Дарем, штат Северная Каролина, который является центром табачной промышленности. Мои родители были молоды, и, как это повелось в темнокожих семьях Юга, было решено, что я буду жить у бабушки Бенни Фрэнсис Дэвис, пока мать и отец строят карьеру в столице. Я называл бабушку Мамулей.

Мы с Мамулей жили вместе с моей прабабушкой, ее звали Чайна. Овдовев, они управляли домашним хозяйством совместно, основываясь на принципах дисциплины, веры в Бога и поддержания быта на должном уровне. Их доход складывался из двух пенсий, зарплаты бабушки от подработки домашней прислужкой в мужском кампусе Университета Дьюка и того, что присылали мои родители. У меня, хотя я еще был ребенком, тоже были свои обязанности: вытирать пыль, убирать уголь из печей, собирать растопку в сарае, мыть посуду после еды.

Важную, очень важную роль в жизни играла церковь: воскресная школа, изучение Библии на каникулах, празднование возвращения домой после учебы, крещение в заполнявшемся водой во время дождей бетонном бассейне, сооруженном за кладбищем в церковном дворе.

Я ходил в начальную школу Лион-парка, которая находилась на той же улице, что и наш дом. Мои любимые двоюродные братья были моими лучшими друзьями, нас многое связывало. В основном мне удавалось избегать жестокой травли в школе и в округе. Но я хорошо помню, как однажды из-за снега не пошел в школу и гордо лепил во дворе снеговика из трех шаров с носом-морковкой и угольками на месте глаз и рта. Прабабушка Чайна разогрела на ланч куриный суп-лапшу «Кэмпбелл» из банки и позвала меня в дом. Когда я вернулся, мой снеговик был разрушен соседскими ребятами. Было очень обидно, я развернулся и пошел обратно. А что я мог сделать? Прабабушка не могла выйти и встать на мою защиту, а у меня не было желания преследовать вандалов и выяснять с ними отношения.

Дети бывают очень жестокими. Когда я огорчился, мой дядя Льюис всегда говорил мне: «Просто снова вставай на ноги. Вставай каждое утро и не останавливайся».

« В основном мне удавалось избегать жестокой травли в школе и в округе.

Но я хорошо помню...»

Это был один из лучших советов, которые мне когда-либо давали.

В юности я черпал пищу для своих фантазий из книг и пластинок, слушал классическую музыку, Нину Симон, Лору Ниро, Арету Франклин, Диану Росс. В загородном доме тети Миры я нашел книгу о гибели «Титаника», роскошного океанского лайнера, который не должен был утонуть никогда. Богатые пассажиры лайнера встретили свою смерть в холодных водах. Каждый раз, когда я приезжал к тете Мире, я брал эту книгу – она поднимала во мне волну чего-то, что выходило за рамки моего ежедневного существования.

Моим любимым пристанищем была городская библиотека в центре Дарема. К двенадцати годам я проштудировал все книги и журналы, которые попались мне на глаза. Моим миром стали глянцево-страницы Vogue, где я читал про легендарный бал Трумэна Капоте, который он организовал в отеле Plaza в честь Кэтрин Грэм, и про Глорию Вандербилт в ее винтажных стеганых одеяниях с елизаветинскими рюшами от Adolfo. Мне нравилось рассматривать ее фотографии в лаконичных костюмах Mainbocher или экзотических плиссированных платьях Fortuny, которые она хранила в скрученном виде, чтобы плиссировка на шелке лучше сохранялась. Они были похожи на свернувшихся в клубок змей. Я мечтал познакомиться с Наоми Симс и Пэт Кливленд и грезил о жизни, которую видел на страницах Vogue, где не было места ничему плохому.

Голубое весеннее небо оттеняло великолепный цвет розовых кустов бабушки во дворе. Летом мы собирали дикую ежевику, наблюдали, как красные кардиналы кружат над нашим домом, и в пять тридцать садились за чудесный обед, который готовился весь день. Еда была нашей роскошью – простая, вкусная домашняя еда. Свежие домашние блюда готовились каждый день. Конечно, иногда мы доедали то, что оставалось. Но я помню, что по воскресеньям обожал на завтрак теплые, только что испеченные булочки на кефире, полоски хрустящего бекона, яичницу-болтуню и варенье. Больше всего я любил торты, пироги и еще миллион других десертов домашнего приготовления.

С приходом осени шуршащие сухие листья с огромного клена усеивали наш двор, и их долго приходилось убирать. Зимой, когда шел снег, я набирал в сарае несколько ведер угля и оставлял их на заднем крыльце.

Прабабушка умерла в январе 1961 года, и я впервые в жизни почувствовал себя одиноким. Для только вступающего в жизнь молодого человека смерть прабабушки, которая была главой и опорой нашей религиозной семьи, стала ошеломляющим событием.

Семья собралась у тети Пит, и она наготовила кучу еды, чтобы накормить всех, включая своих семь дочерей, единственного выжившего сына и многих других родственников. Всю ночь до утра взрослые провели в гостиной, рассказывая истории о том, как они росли, и о всеми любимой усопшей.

Так получилось, что мы с бабушкой не были особо разговорчивы, живя под общей крышей скромного дома, наполненного заботой и любовью, и разделяя главные ценности: относиться к другим с добротой и проявлять участие к своим соседям и семье.

Жизнь продолжалась. Мои родители развелись, когда мне было девять. Никто не сообщил мне об этом, но в итоге я сам каким-то образом догадался. Оба продолжали часто навещать меня. Отец всегда привозил мне какой-нибудь роскошный подарок: новехонький ярко-красный велосипед, «Всемирную энциклопедию», черно-белый телевизор или мой первый проигрыватель. Каждый его подарок был для меня настоящим сокровищем. У меня были карманные деньги, и по пятницам я ездил с Мамулей в центр Дарема и покупал новые виниловые пластинки.

Моя мать бросила отца, так как полагала, что сможет лучше устроить свою жизнь, и планировала выйти замуж за более обеспеченного мужчину. Однажды вскоре после развода она получила приглашение на свадьбу этого мужчины и другой – более молодой – женщины. Это навсегда сломило ее дух. Она заболела. Ее волосы поседели раньше времени, у нее случилось нечто вроде временного умопомрачения, в ходе которого она пыталась поджечь свою квартиру. К тому же она отказалась даже от тех небольших алиментов, которые полагались ей по закону. Она указала отцу на дверь и сама справлялась финансово, но стала жестокой и эмоционально отстраненной. Она продолжала навещать нас в Дареме, ходила со всеми в церковь и во всем участвовала, но разговора между нами не получалось. Я что-то ей рассказывал, она едва отвечала. Я знал, что она относится ко мне с любовью, но вряд ли я ей был интересен.

Как и все американцы, мы с бабушкой смотрели инаугурацию президента Джона Ф. Кеннеди, так как это было ключевое событие новой эры для нашей страны. Оно символизировало надежду и, кроме того, – гламур. Джеки Кеннеди была самой молодой первой леди и инфлюенсером – пожалуй, первым инфлюенсером современности. Я восхищался тем, как она выглядела, как шла на инаугурации в своем элегантном пальто, я был одержим ее шляпкой-таблеткой, маленьким меховым воротничком и сапожками с меховой оторочкой, а также муфтой, в которой она грела руки в тот морозный январский день.

И вновь я был очарован, когда на День святого Валентина в 1962 году по всем каналам транслировали черно-белые кадры экскурсии по Белому дому, которую проводила миссис Джон Ф. Кеннеди. Я был счастлив от представившейся возможности заглянуть внутрь главного

дома нашей страны. Джеки Бувье Кеннеди и ее стиль находили у меня глубокий отклик. Я знал, что стал свидетелем важного события, которое будет только началом в череде подобных.

Она стояла с идеально уложенными и завитыми волосами в точной копии оригинального платья Dior из бутика Chez Ninon и красноречиво, со знанием дела рассказывала о Белом доме. Тогда я впервые услышал о французском бренде Porthault, оформившем в качестве подарка стол в парадной гостиной длинной белой скатертью, вышитой вручную золотой нитью. Я узнал, что Джеки выбрала для вина и воды простые бокалы, которые нашла в Вирджинии. Она рассказывала об истории белой лепнины Стэнфорда Уайта⁴ начиная с 1902 года. И напомнила, что Тедди Рузвельт заказал мраморный камин с изображением американских бизонов.

Из ее тихой элегантной манеры говорить, выверенности каждого слова, ее сосредоточенности на истории этого великолепного здания родилась моя страсть к антиквариату и изысканным предметам. Так я начал подражать Джеки Кеннеди. Она была моим кумиром во всех значимых для меня вещах: одежде, оформлении интерьера, в том, как она формировала образ первой леди. Мои тетушки копировали стиль Джеки Кеннеди, насколько им позволял бюджет, с ее неизменными шляпками-таблетками, сумочками на цепочке и перчатками, разумеется. Все уважаемые негритянские дамы черпали вдохновение в стиле первой леди (тогда «негритянские» было приемлемым выражением, сейчас нужно было бы сказать «афроамериканские»).

У моей бабушки один из ящиков комода заполняли перчатки на любой сезон, и они были ее самым роскошным аксессуаром. В другом ящике лежали любимые носовые платки, которые она клала в свою выходную сумочку по воскресеньям. Мамуля носила туфли на среднем каблуке, и я с восхищением наблюдал за ней, когда мы шли в церковь. Особенно меня завораживали темно-синие туфли из кожи с репсовым бантом от Naturalizer, купленные весьма дешево. Она носила их с сумочкой в тон.

Торжественные похороны президента Джона Ф. Кеннеди прошли в высшей степени достойно. Миссис Кеннеди была одета в черный костюм от Givenchy с бахромой на застежке, ее лицо прикрывала вуаль, прикрепленная к шляпке-таблетке. Ее образ, олицетворявший силу и стиль, говорил миру: я мать и жена. Джеки Кеннеди больше походила на кинозвезду, чем на супругу президента. Она оказала на меня большее влияние, чем кто-либо из актрис.

Благодаря Джеки Кеннеди формировалось мое воображение. Тонны глянцевого журналов и фэшн-приложений к ним – и я знал все, что мне было нужно.

Я узнал о Янсене, парижском декораторе, и о месье Будене, которые помогали Люси Дуглас, известной как С. Z. Guest, иконе стиля белой элиты, декорировать ее резиденцию. Я узнал о Банни Меллон, лучшей подруге Жаклин Кеннеди, жившей в Аппервилле, штат Вирджиния. Я узнал о Ли, княгине Радзивилл, сестре Джеки Кеннеди, купавшейся в роскоши в Лондоне и имевшей загородный особняк, оформленный при участии итальянского архитектора Лоренцо Монжардино. Я помню, как с нежностью представлял себе Ли Радзивилл, танцующую в серебряном вечернем туалете от Mila Schön на Черно-белом балу Трумэна Капоте.

“ Я уже тогда был страстным приверженцем моды и одевался и выглядел вызывающе.”

Под огромным влиянием модных журналов я стал убежденным франкофилом. Моей любимой телепередачей было шоу Джулии Чайлд по воскресеньям. Мне нравились ее дерзость и манера говорить по-французски. Я изучал французский язык и дошел до четвертого уровня в старшей школе, а также специализировался на французском в Центральном Университете Северной Каролины, негритянском государственном университете Дарема. Я окончил его с отличием, и мне дали полную стипендию в Университете Браун в Провиденсе, штат Род-Айленд, где я получил степень магистра и начал учиться в докторантуре. Я планировал стать

⁴ Стэнфорд Уайт (1853–1906) – известный американский архитектор.

преподавателем французского языка в какой-нибудь частной школе. Мне было не особо важно где, я лишь знал, что хочу оказаться за пределами Дарема.

В тот самый день, когда я собирался уехать в Браун, где получил стипендию для продолжения образования, моя мать повернулась ко мне и сказала: «Не знаю, зачем тебе еще несколько лет учебы в университете. У тебя уже есть степень бакалавра. Почему бы тебе не пойти в армию и не получить определенные преимущества?»

Я подумал: «О чем она говорит?» Брауновский университет входит в Лигу плюща. Она не понимала, какой высокой чести я удостоился.

Бабушка услышала этот разговор и хорошенько отчитала ее. Она сказала своей дочери: «Оставь его в покое, с ним все будет в порядке. Пусть сам решает!» Мамуля всегда меня понимала и поддерживала. Она верила, что все будет хорошо, и просто продолжала паковать картонные коробки со сшитыми сестрой ее матери, тетей Луной, стегаными одеялами, которые будут согревать меня в общежитии, простынями и полотенцами. Этот скромный набор я сменил на постельное белье Yves Saint Laurent, мягкие желтые полотенца с фирменным логотипом и одежду от Rive Gauche, когда перебрался в Браун и получил ежемесячную стипендию. Все это мне удалось купить на распродаже.

В Брауне я изучал культуру Франции, интеллектуальный образ жизни богемы девятнадцатого века, Шарля Бодлера, Рембо, Верлена. Я чувствовал себя свободным, меня больше не сковывало суровое осуждающее общество, в котором я вырос. Теперь, когда я вышел в мир, мне было наплевать, что обо мне думают. Я носил винтажную адмиральскую шинель из армейского магазина. Она была в идеальном состоянии, все латунные пуговицы – как новые. Шинель была мне длиной до пят, я надевал ее с колючими матросскими штанами на десять сантиметров выше щиколоток и оксфордами на шнуровке и маленьком каблуке, как у танцоров фламенко.

В первые же зимние каникулы я привез эту шинель домой в Северную Каролину. Я так ею гордился. Бабушка не придавала этому никакого значения, а вот мать отказывалась идти со мной в церковь, если я ее надевал. Когда мы выбирались из машины моей кузины Дорис Армстронг – она всегда заезжала за нами по пути в церковь, – моя мать придерживала меня со словами: «Нельзя, чтобы меня видели идущей по проходу рядом с тобой в этом наряде из «Призрака оперы».

«Иди первая», – отвечал я и несколько минут ждал снаружи, пока она войдет, раздраженный ее комментарием. Моя мать могла быть со мной сурова, но я все же уважал ее. Хотя это и не означало, что она должна была мне нравиться.

Я уже тогда был страстным приверженцем моды и одевался и выглядел вызывающе. Я мог сделать макияж театра кабуки на манер Дианы Вриланд, легендарного главного редактора Vogue, или Наоми Симс, первой чернокожей модели, которую я увидел на страницах Vogue. В обычный день я наносил на веки глубокий оттенок винограда из последней коллекции теней Estée Lauder, покрыв сверху вазелином, и отправлялся на занятия.

На мой гардероб обратили внимание богатые студенты из Школы дизайна Род-Айленда, также расположенной в Провиденсе. Я начал вести двойную жизнь: одна ее часть проходила в кампусе за учебой в Брауне, а вторая – в Школе дизайна, где я познакомился с Джейн Кляйнман и Ридом Эвансом. Отец Джейн в то время возглавлял компанию, производившую чулки и носки Kayser-Roth, а дядей Рида был Дэвид Эванс, обувной магнат. Они жили за пределами кампуса, в огромной квартире, занимавшей весь этаж, залитой светом и забитой антиквариатом. Рид приехал в Провиденс с огромной фурой мебели. В столовой были стулья в стиле чиппендейл, красивейший обеденный стол красного дерева, бокалы Vassarat, серебряные приборы, скатерти из дамаста и великолепный фарфор с каймой из золотых листьев.

Помню выходные, когда Джейн поехала домой в Нью-Йорк и вернулась с купленной на распродаже в Saks на Пятой авеню шубой из скунса от Revillon. Она так ею гордилась! Это

была точно такая же шуба, как у светской львицы Бейб Пейли, из южноамериканского, точнее, чилийского скунса. Любимый мех Дианы Вриланд.

Рид и Джейн задавали тон: казалось, у них было все самое лучшее – одежда, мебель, – и они были ньюйоркцами. На мой день рождения в октябре 1974 года они пригласили меня в Нью-Йорк на показ Coty Awards в Институт технологий моды. Шоу мне не запомнилось ничем, кроме встречи с Джо Юла, выдающимся иллюстратором, работавшим на Холстона – в то время самого востребованного дизайнера в Америке. Джо Юла пригласил меня после показа на вечеринку к себе домой, где я познакомился с Эльзой Перетти⁵, а также Кэрри Донован⁶, с которой за несколько лет до этого состоял в переписке.

Кэрри была сумасбродным и очень талантливым редактором моды, смесью Кей Томпсон из фильма «Забавная мордашка» (Funny Face), лучшей фэшн-комедии всех времен, и Мэгги Смит в фильме, который принес ей «Оскара», – «Расцвет мисс Джин Броди» (The Prime of Miss Jean Brodie). Я обожал ее обзоры бутиков на последних страницах Vogue.

Я подошел к Кэрри Донован и представился. «Вы написали мне письмо», – сказал я. И напомнил ей, что я писал в Vogue, интересуясь, кто открыл модель Пэт Кливленд. Кэрри тогда ответила мне, рассказав, что это она заметила однажды утром по дороге на работу Пэт Кливленд на станции метро «Лексингтон-авеню». Письмо было коротким, но выглядело красиво: оно было напечатано на машинке и подписано ярко-зелеными чернилами. Кэрри была доброжелательна и мила, предложила оставаться на связи. И добавила: «А если вы хотите заниматься модой, вам нужно в Нью-Йорк».

«Ей нравилась сама идея моего присутствия, то, что переплелось в моей внешности.»

Сразу по возвращении в Провиденс я решил бросить учебу в Брауне и переехать в Нью-Йорк. У меня уже была степень магистра, но я работал над докторской диссертацией и собирался стать преподавателем французского языка. И хотя меня рекомендовали как хорошего преподавателя разным частным школам на Восточном побережье, работу я пока найти не смог. Мне не терпелось увидеть, что меня ждало в Нью-Йорке и в мире моды.

Рид к тому моменту завершил учебу в Школе дизайна и вернулся на Манхэттен. Он предложил мне пожить у него, пока я не обустроюсь. В большую мягкую сумку на молнии Louis Vuitton я сложил самые ценные вещи: свою адмиральскую шинель, две пары бархатных брюк Rive Gauche, две шелковые рубашки Rive Gauche и мои первые сшитые на заказ самим Ридом Эвансом шелковые туфли под смокинг. Это были слипоны с тупым мыском на ярко-красной подкладке.

Отец Джейн Кляйнман написал мне рекомендательное письмо в Институт костюма при музее Метрополитен, где Диана Вриланд, куратор легендарной выставки «Романтичный и гламурный голливудский дизайн» (Romantic and Glamorous Hollywood Design), набирала волонтеров себе в помощь.

Письмо сработало, и я был нанят на неоплачиваемую работу. И это не имело значения, ведь мне предстояла встреча с Дианой Вриланд, великой и самой влиятельной фэшн-императрицей! Знаменитым главным редактором Vogue на протяжении десяти лет, которую считают величайшим редактором моды всех времен!

Руководить Институтом костюма было работой мечты Вриланд, а для меня волонтерство стало практикой мечты. Конкурс на проект был очень высоким: отобрали всего двенадцать человек, среди которых оказался и я.

⁵ Эльза Перетти (1940–2021) – бывшая модель, ювелир, более 30 лет сотрудничавшая с Tiffany&Co.

⁶ Кэрри Донован (1928–2001) – редактор отдела моды в журналах Vogue, Harper's Bazaar и The New York Times Magazine.

В первый день работы волонтером мне вручили обувную коробку с металлическими деталями и плоскогубцы.

Мне было сказано: «Собери его».

«Что это?» – спросил я.

«Это платье-кольчуга Ланы Тернер из фильма «Блудный сын». Миссис Вриланд скоро придет проверить твою работу».

Оставшись один на один с плоскогубцами, я разложил на полу все детали и быстро разобрался в сложном пазле конструкции. В итоге я превратил кучку железяк из коробки в платье.

«Кто это сделал?» – спросила Вриланд.

«Новый волонтер».

«Следуй за мной», – сказала она. И я подчинился. Мы прошли в ее офис, где она села и написала заглавными буквами мое имя. Ниже она написала «ПОМОЩНИК» и передала лист бумаги мне. «Ты не отойдешь от меня ни на шаг ни днем ни ночью, пока шоу не закончится! Вперед, малыш. Пошевеливайся!»

Миссис Вриланд говорила загадочными, отрывистыми фразами – приходилось догадываться, чего она хочет. Следующим доверенным мне платьем был костюм Клеопатры, который носила Клодетт Кольбер. «Помни, Андре: белые павлины, солнце, девочка четырнадцати лет – и она королева. А теперь за дело! Не подкачай!»

В 1974-м, в мой первый год в Нью-Йорке, я работал волонтером для Дианы Вриланд в Институте костюма в музее Метрополитен.

Мы с ней говорили на одном языке стиля, образов, истории и литературы. На этом фото мы пытаемся приладить серебряные сетки для волос из универмага Woolworth, чтобы прикрыть то, что миссис Вриланд называла «омерзительными лицами» манекенов.

Фотография © The Bill Cunningham Foundation. Все права, специально не предоставленные в настоящем документе, настоящим сохраняются за Лицензиаром.

Это было платье из золотого лама. Я покрасил манекен золотой краской из баллончика.

«Очень даже, очень даже, я бы сказала, Андре!» – среагировала Вриланд.

В течение следующих шести недель я стал одним из любимых волонтеров миссис Вриланд, и это было, как если бы я окончил школу моды. У Дианы Вриланд я научился говорить на языке стиля, образов и литературы.

Я слушал миссис Вриланд и учился у нее. Я ловил каждое ее слово, каждую фразу. Вышагая над ней физически, я был в высшей степени почтителен и предупредителен, а она, в свою очередь, относилась ко мне с большим уважением.

Вероятно, ей нравилась сама идея моего присутствия, то, что переплелось в моей внешности: рост, медовый оттенок кожи, мои безупречные манеры и ухоженность, мой живой неординарный стиль. Плюс степень бакалавра!

После открытия выставки в декабре мне нужна была работа. Я нашел место рецепциониста в Американском обществе по предотвращению жестокого обращения с животными, но это было очень тяжело эмоционально. Поздним вечером, перед уходом на рождественские каникулы, миссис Вриланд вызвала меня к себе в кабинет.

«Не уезжай домой в Дарем, Андре! – изрекла она. – Если ты уедешь домой на Юг, ты, разумеется, найдешь место учителя в школе, но ты никогда не вернешься в Нью-Йорк. Все у тебя получится, поэтому сиди смирно и забудь дорогу домой».

«Но у меня нет денег, мне нужна работа!»

«Потерпи! Ты принадлежишь Нью-Йорку. Не уезжай домой на Рождество». На этом аудиенция была завершена, и она отбыла на прекрасную виллу Оскара и Франсуазы де ла Рента в Санто-Доминго.

Ночь накануне Рождества 1974 года стала одной из самых тяжелых в моей жизни. У меня не было денег, я спал на полу студии моего друга Роберта Тернера, с которым мы вместе работали волонтерами. Он уехал из города на праздники. Я спал на попоне, найденной в местном комиссионном магазине, и на подушке, которую взял с кровати приятеля. Холодильник был совершенно пуст, и в кошельке не было ни цента даже на жирный гамбургер.

Открыв шкаф на кухне, я нашел банку шоколадного сиропа Hershey's и прикончил ее с помощью изящной серебряной ложки, запив водой, чтобы проглотить густую плотную субстанцию.

В десять вечера зазвонил телефон. Это была бабушка.

«Рэй, – она никогда не называла меня Андре, – со мной рядом твой отец. Я сейчас посылаю его за тобой на машине, чтобы к утру он до тебя доехал и забрал домой. Будь готов, потому что завтра, в Рождество, он будет у тебя. Ты едешь домой. Ты часть этого дома. Еще не было такого, чтобы Рождество ты встречал не здесь».

Я настаивал на том, что не собираюсь возвращаться. Миссис Вриланд обещала, что в новом году моя жизнь изменится! Мамуля не спорила, когда я уходил из Брауна, почему же она так непреклонна сейчас?

И я спросил ее: «Почему? Почему ты хочешь, чтобы я срочно вернулся домой?»

Тишина. Пауза. И затем она выкрикнула в телефонную трубку: «Приезжай домой, потому что я знаю, что ты там спишь с белой женщиной!»

Это было невероятно далеко от реальности. Я рассмеялся вслух и заверил ее, что ей не о чем беспокоиться. Она что-то пробормотала и повесила трубку. Я знал, что она расстроилась, но я верил миссис Вриланд.

Сотрудники Фабрики Уорхола и журнала Interview: Фред Хьюз, Питер Лестер (в центре) и Энди Уорхол на фэшн-показе Halston в 1975 году.

Фотография © The Bill Cunningham Foundation.

Все права, специально не предоставленные в настоящем документе, настоящим сохраняются за Лицензиаром.

В течение той долгой и одинокой рождественской недели я часто посещал епископальную церковь Святого Фомы. Там я медитировал, молился за моих родителей и бабушку и благодарил Бога за дары и возможности, которые мне были даны. Я был благодарен за то, что оказался

в Нью-Йорке, хотя мое будущее и было туманно. Я не сомневался, что вера и знания помогут мне выжить, хотя пустой желудок продолжал урчать.

II

Первое, что сделала Диана Вриланд, вернувшись с каникул, – это разослала письма в мою поддержку каждой значимой фигуре в мире фэшн-журналистики. Словно труба, своим громким голосом она возвестила обо мне всем друзьям: Холстону, Джорджио Сант Анджело, Оскару и Франсуазе де ла Рента, Каролине Эррера – и голос ее не смолкал.

Она также устроила, чтобы меня приглашали на все правильные вечеринки, включая легендарные суаре Холстона, на которых бывали все, кто что-то значил в Нью-Йорке: Лайза Миннелли, Марта Грэм, Бианка Джаггер, Эльза Перетти, Диана фон Фюрстенберг и все ближайшее окружение Уорхола. Однажды я там был с Тонн Гудман⁷, еще одним любимым волонтером миссис Вриланд, жительницей Нью-Йорка с хорошими связями. Пока мы топтались по коврам в пастельных тонах, ко мне подошел Фред Хьюз, правая рука и деловой партнер Энди Уорхола. «Андре, как думаешь, сможешь приехать на Фабрику встретиться с Энди и Бобом? Диана Вриланд говорит, ты должен стать частью нашей команды».

Конечно же, я ответил: «Только скажите когда. Я приеду».

В следующий понедельник началась моя карьера в качестве ассистента в журнале Энди Уорхола Interview. Я переехал из квартиры приятеля в комнатуху при Юношеской христианской ассоциации на Двадцать третьей улице, где сражался с многочисленными тараканами в общественных душевых – как в прямом смысле, так и с подобными им экземплярами в человеческом обличье. Редакция Interview располагалась в офисе, примыкающем к просторному помещению Фабрики, где верная Энди команда работала за длинным импровизированным столом в открытой зоне. Обедая Энди в элегантной, отделанной резными панелями переговорной. Его рабочее пространство – арт-студия занимала весь этаж и была отделена стеной от офиса Interview.

Фред Хьюз задавал тон. Он был воплощением элегантности с прической в стиле актера Тайрона Пауэра и ярко выраженным снобистским британским акцентом. Диана Вриланд обожала его, и ходили слухи, что она считала его своим кавалером.

«Она приходила в офис в кожаных куртках, поигрывая кнутом и другими подобными атрибутами.»

Офис был чистым и очень светлым. Повсюду висели огромные плакаты Жана Дюпа в стиле ар-деко. Атмосфера была беззаботной, но дело делалось. От нас требовалось быть на месте вовремя, и никто не висел на телефоне часами, болтая с приятелями. Я играл роль обласканного славой рецепциониста, встречал гостей и провожал их за установленную Энди стальную пуленепробиваемую дверь, а также записывал сообщения для талантливых фрилансеров. Я приступал к своим обязанностям в полдень, забирая ланч для Энди в местном магазине продуктов здорового питания Brownies, и заканчивал работу в шесть часов вечера.

Кругом мелькали сплошные фрилансеры, люди приходили и уходили, и ты никогда не знал, кого встретишь сегодня. Регулярно появлялась писательница Фран Лебовиц, которая только что выпустила свой главный бестселлер Metropolitan Life. Она входила с серьезным видом, курила не переставая и спрашивала, не было ли для нее сообщений. Она внушала людям робость, обладала высоким уровнем интеллекта и не тратила лишних слов на словесные перепалки.

Никто не связывался с Фран, даже Энди. Все боялись, что она подожжет это место, метафорически, конечно. Вечная раздражительность была частью ее имиджа. Но меня она хвалила

⁷ Тонн Гудман – будущий редактор моды американского Vogue.

за то, что я, по ее словам, был единственным рецепционистом, который относился к своей работе серьезно и аккуратно и точно записывал все сообщения.

Фреду Хьюзу нравилось, когда светские дамы дефилировали по офису, ничего особенно не делая и осуществляя чисто декоративные функции. Кэтрин Гиннесс из семьи пивных магнатов работала со своими друзьями-геями над проектом, целью которого было исследование тайного мира садомазохизма. Она приходила в офис в кожаных куртках, поигрывая кнутом и другими подобными атрибутами.

У Фреда весь гардероб был сшит на заказ, включая теннисные куртки в полоску и узкие жаккардовые шелковые галстуки. Его обувь была начищена, как у английских герцогов, которые десятилетиями полируют одну и ту же пару, пока кожа не станет мягкой, как перчаточная. Квартира Фреда была оформлена первоклассными предметами антиквариата, и он предоставлял ночлег и завтрак всем девушкам, которые хотели быть частью тусовки. Некоторые оставались у него на неопределенный срок. Все было доведено до состояния совершенства, включая фальшивый аристократический британский акцент Фреда, хотя это звучало смешно, учитывая, что он был родом из Хьюстона, штат Техас. Его манеры, его щегольство, его снобизм были токсичны для моего бюджета, но благоприятствовали моим устремлениям.

Дресс-код не был строгим, что позволяло мне одеваться так, что я мог произвести впечатление и запомниться. Я носил элегантные винтажные пальто, которые покупал в местном комиссионном магазине на Пятьдесят пятой улице за десять баксов, и твидовые брюки, но никак не джинсы, потому что в джинсах я никогда не чувствовал себя комфортно.

Миссис Вриланд часто приезжала на такси на Фабрику пообедать. Тогда мы заказывали из Poll's на Лексингтон-авеню сэндвичи – курицу на хлебе грубого помола – и порцию виски Dewar's для миссис Вриланд, ее тонизирующего средства. Один глоток за обедом, и все. Другие были времена.

Однажды миссис Вриланд приехала на Фабрику с Глорией Шифф, красавицей и сестрой-близняшкой Консуэло Креспи, итальянского редактора американского Vogue. Я слышал, как они вели спор на повышенных тонах. «Глория, как вы можете утверждать, что это вы открыли Марису Беренсон на балу дебютанток?» – с негодованием восклицала Вриланд. На самом деле именно Вриланд сделала знаменитой Марису Беренсон, встретив ее дома у Эльзы Скьяпарелли в Париже. Эльза была бабушкой Марисы, и она так и не простила Вриланд за то, что та превратила внучку в супермодель.

За свои труды я получал семьдесят пять долларов в неделю; но светская жизнь, которая являлась частью моего «пакета», была, разумеется, бесценна.

* * *

Когда дело доходило до распределения фэшн-съемок, все в офисе шли ко мне как к главному эксперту. Мои знания и страсть к моде быстро оценили, и я вскоре получил должность редактора. Теперь у меня появилась возможность брать интервью у некоторых из самых ярких звезд моды и международной элиты, включая Каролину Эрреру, элегантного дизайнера из Каракаса, Венесуэла. Позже она одевала Джеки Кеннеди, когда та жила в Нью-Йорке. Я взял у Каролины первое официальное интервью, которому посвятили в журнале целый разворот.

Бьянка Джаггер была моей любимой иконой стиля. Пришло ее время: она вышла замуж за Мика на юге Франции в костюме от Yves Saint Laurent и в широкополой живописной шляпе с вуалью. Rolling Stones играли в Мэдисон-сквер-гарден, и Энди послал меня в отель Pierre забрать Бьянку и ее наряды и доставить их в студию для съемок обложки. Бьянка открыла мне дверь и знаком велела не шуметь: Мик спал. Мы на цыпочках пробрались мимо рок-звезды в огромную гардеробную, примыкающую к спальне. Тихонечко сложили всю ее прекрасную одежду и любимую обувь того сезона – эспадрильи Charles Jourden на высокой танкетке с завяз-

ками на щиколотке. У нее было полдюжины одинаковых пар в разных цветах. Все это было упаковано в чехлы из ткани и уложено в невероятные футляры Louis Vuitton, подобных которым я никогда ранее не видел. На самом деле это были изготовленные на заказ охотничьи ящики, предназначавшиеся для упаковки ружей, с которыми ходили на тетерева. Благодаря их длине – а они были длиною с гроб, не меньше – Бьянка могла укладывать свои вечерние платья с кринолинами от Zandra Rhodes не сворачивая, чтобы они не мялись. Она заказала эти ящики в парижском бутике Louis Vuitton на авеню Марсо.

Мы с Бьянкой сели в такси, доверху нагруженное ее багажом Louis Vuitton. Нас сблизило общее восхищение творчеством ее друга, дизайнера обуви Маноло Бланика, и мы стали друзьями.

* * *

Энди обеспечивал мне доступ в высший свет и брал с собой повсюду, куда бы я ни пожелал пойти, – от ужинов в Mortimer's до кинопремьер на станциях метро. На одной из таких премьер я встретил буквально всех – Си-Зи Гест⁸, Каролину, принцессу Монако, Грейс Джонс, Арнольда Шварценеггера. С Энди каждый мог быть кем угодно, и все были на равных – и трансвеститы, и наследницы огромных состояний. Если вы были интересны, на Фабрике вас считали своим. И хотя Энди вел активную ночную жизнь, он также ходил каждое утро в церковь благодарить Бога за свою жизнь, свой достаток и свою мать.

Энди, бывало, проказничал, порой выходил из себя, но на меня он не злился никогда. Иногда он клал свою бледную руку мне на ширинку (всегда на публике, никогда наедине), и я просто стряхивал ее, как надоедливых мух, которые досаждали мне на крыльце дома на Юге. Однажды мы с ним и Аззедином Алайя пошли на дневной сеанс в кино в Верхнем Ист-Сайде, и Энди без конца хватал меня за промежность. Каждый раз, когда я вскрикивал: «Энди!», Аззедин умирал от хохота. Энди был наивен, ничто в его поведении не оскорбляло меня. Он подетски смотрел на мир через цветные стеклышки калейдоскопа. Энди был добрым человеком, и я считал его близким другом.

Когда у Энди было хорошее настроение, он создавал для сотрудников маленькие арт-объекты со своим автографом. Шелкография из какой-нибудь своей серии или небольшая картина с леденцом в форме обернутого в кружево сердечка на День святого Валентина. Это были красивые жесты.

Энди предложил мне поучаствовать в работе над его серией Oxidation («Окисление»), известной также как «Картины, написанные мочой».

В ту же секунду я ответил: «Энди, спасибо, нет». Я с ужасом представил себе, что будет, если бабушка, или мать, или отец узнают об этом. Мочиться ради искусства? Это разбило бы сердце Мамули, узнай она, что я, живя успешной, полной приключений жизнью в Нью-Йорке, провожу время, создавая картины с помощью мочи.

Энди также предлагал мне поучаствовать в создании серии картин Sex Parts («Интимные части тела»). Мы были в офисе редактора Interview Боба Коласелло, и Энди сказал: «Блин, Андре, ты только подумай: Виктор Гюго это делает. Ты можешь прославиться и прославить свой член. Все, что тебе нужно, это позволить мне снять на Polaroid, как ты мочишься на холст. И одну карточку я тебе подарю».

Под Виктором Гюго Энди подразумевал не писателя, а Виктора Гюго из службы эскорта, который был любовником Холстона. Красавец из Венесуэлы, славящийся своими мужскими достоинствами и изумительной кожей, он также был оформителем витрин бутика Halston и,

⁸ Си-Зи Гест (Люси Дуглас Кокрейн, 1920–2003) – американская светская львица, журналистка и признанная икона стиля.

по-видимому, теперь каким-то образом получил «работу» на Фабрике, занимаясь мочеиспусканиями в рамках открытого сексуального исследования.

Действительно ли его звали Виктор Гюго? Нет, конечно же нет. В этом Викторе Гюго не было ничего даже отдаленно напоминающего оригинал. Он никогда не цитировал литературного гиганта, никогда не говорил о нем. Он не блистал литературным талантом. Но он мочился на холст Энди Уорхола, и его пенис действительно стал знаменитым.

Энди нравилось проводить время с Виктором, и он часто вовлекал его в жизнь Фабрики. Я хорошо его знал, но не был свидетелем того, как его пенис в состоянии полной эрекции находился во рту у Энди в творческом порыве, пока остальные были заняты подготовкой к выпуску очередного номера Interview.

Как бы ужасно это ни звучало, но в какой-то период Энди действительно рекламировал порнографию через Виктора Гюго. (Для протокола: я не сомневаюсь в том, что Энди никогда не занимался сексом с Гюго, за исключением эпизодов с Polaroid ради искусства.) Виктор утвердился как художник-разрушитель со своей яркой индивидуальностью на многогранной культурной сцене Нью-Йорка. В одной из витрин бутика Halston была выставлена экспозиция, которая изображала женщину, рожающую в платье Halston. Однажды он окунул живого цыпленка в жидкость цвета крови и пустил его гулять по коридору, выстланному белым ковром, в таунхаусе Холстона в Ист-Сайде, спроектированном знаменитым архитектором Полом Рудольфом. Он хотел шокировать Холстона, и ему это удалось.

« С Энди каждый мог быть кем угодно, и все были на равных – и трансвеститы, и наследницы огромных состояний.»

Американский дизайнер Норма Камали работала на Мэдисон-авеню и подружилась с Виктором. Он заходил к ней почти каждый день. Однажды Норма работала над моделью нового купальника; произошла утечка, и вскоре модель была представлена как оригинальный дизайн Halston на первой странице журнала Women's Wear Daily. Норма набросилась на Виктора, но он вел себя как напроказничавший ребенок, застигнутый врасплох за чем-то запретным.

Позже он был прощен: Виктор появился в студии Нормы с огромными шелковыми спиланными парашютами. Она виртуозно превратила их в модные шедевры – жакеты, гофрированные брюки, бальные платья и комбинезоны, – сохранив нетронутыми вытяжные парашютные кольца. Позже Диана Вриланд настояла на том, чтобы они были включены в ее выставку «Ярмарка тщеславия» (Vanity Fair) в Институте костюма. Так Норма превратила свое поражение в победу!

Примерно в то же время мы с Ридом Эвансом однажды остались в гостях у Кельвина Кляйна с ночевкой в его доме на Файер-Айленде, в элегантном районе Пайнс. Так получилось, что нам досталась одна кровать на двоих, и, когда мы уже засыпали, вошел Виктор и рухнул на нас. *Без приглашения.* Он провалился в сон, как медведь в зимнюю спячку. Движимые любопытством, мы с Ридом решили посмотреть на легендарный размер его пениса, откинули белые покрывала и явили свету семейную реликвию, которую Рид сравнил с салями Schaller and Weber. Она не была обрезана – это все, что я помню. В ту ночь мы спали втроем: я на одном краю кровати, Виктор на другом, и Рид посередине.

В 1975 году Карл Лагерфельд стал креативным директором Chloé, заняв свое место на вершине модного олимпа. До него это был солидный буржуазный бренд для домохозяек, которые могли себе позволить покупать качественную одежду прет-а-порте в Париже. После прихода Карла Chloé стала чрезвычайно влиятельной маркой. Грейс Мирабелла, сменившая миссис Вриланд на посту главного редактора Vogue, выходила замуж в белой блузе Chloé с высоким воротом, расшитой жемчугом. Выбрать Chloé вместо Yves Saint Laurent было знакомым жестом.

Сегмент прет-а-порте набирал обороты, а у Карла всегда был дар создавать причудливые инновационные модели, которые единодушно одобрялись как компаниями розничной торговли, так и прессой. Он мог сделать принт с изображением роботов и луноходов и превратить его в платье стоимостью в тысячу долларов. Или выпустить бижутерию в виде больших пластиковых петухов и цыплят, или кольцо из тюльпанов неоновых цветов и предложить носить такое поверх роскошной базовой вещи, например редингота из черной шерсти, изысканного и дорогого, которому сноса не было.

Его коллекции были сюрреалистичными и сложными, но главное – молодыми по духу и вдохновенными. Это же читалось в подходе Карла к фэшн-показам Chloé. Он сознательно не выстраивал заранее очередность появления моделей на подиуме. За кулисами Карл говорил моделям выбрать то, что им нравится, из висящих на рейле предметов одежды. Это неслыханно даже по сей день, когда шоу продумывается до мельчайших деталей согласно четкому сценарию. После показа Карл разрешал моделям оставить себе одежду, которую они демонстрировали. Девушки немного зарабатывали в те времена, и это был способ поблагодарить их.

В Interview запланировали номер, посвященный Парижу, а Карл как раз должен был приехать в Нью-Йорк в рамках кампании по продвижению нового аромата Chloé. Карл никогда прежде не был героем нашего журнала, и Энди предложил, чтобы я взял у него интервью, за что я навеки ему признателен.

Я сделал все возможное, чтобы подготовиться к встрече с Карлом, провел серьезное исследование. Я знал, что Карл находился под влиянием французского стиля восемнадцатого века и подражал ему в своей повседневной жизни. Как франкофил со стажем, я, конечно, был знаком с основополагающими моментами, но стал копать глубже, чтобы быть готовым на все сто. Я изучил все интервью, которые он когда-либо давал, а также любые факты, на которые он в этих беседах ссылался.

Когда мы приехали в Plaza, нас проводили в огромные апартаменты. Я сидел напротив Карла в гостиной с блокнотом наготове. Члены свиты Лагерфельда сновали по комнатам. Рядом с ним сидел его бойфренд, красивый и весьма любезный Жак де Баше. Меня сопровождали Энди и Фред Хьюз, а также известные фэшн-иллюстраторы Антонио Лопес и Хуан Рамос, друзья Лагерфельда, которые недавно переехали из Парижа в Нью-Йорк. Антонио делал зарисовки для парижского номера Interview. Годы ранее креативная энергия Антонио заряжала Карла. Сейчас же между ними наблюдалось заметное охлаждение. Мне было любопытно, что произошло, но я сфокусировался на том, ради чего пришел.

Лагерфельд тогда носил бороду и был одет в сшитую по индивидуальному заказу рубашку из крепдешина с двухметровым шарфом. На мне были шорты по колено цвета хаки, рубашка в тонкую полоску, очки-авиаторы Halston, гольфы и пенни-лоферы. Мы говорили о восемнадцатом веке: стиле, культуре, коврах, людях, женщинах, платьях, развлечениях французов, принципах сервировки стола. Беседа была легкой и не особо глубокой, но я узнал много нового и был благодарен за это.

«Мода – это игра, к ней нельзя относиться слишком серьезно. Легкомыслие должно быть ее неотъемлемой частью», – сказал мне Карл. Пока мы говорили, Антонио рисовал нас, а Хуан направлял его с точки зрения композиции и смыслов, которые нужно передать. Энди и Фред сидели молча, и, видимо, в их головах воображение воспроизводило мельчайшие детали гардероба королевского двора восемнадцатого века. Меня невероятно воодушевило, что я смог проявить себя перед безмолвно внимавшими Энди и его командой. Казалось, Карла впечатлило мое стремление к знаниям, и он дал мне блестящее интервью. Мне, вне всякого сомнения, помогли мои манеры южанина. Нетрудно вообразить, каким дерзким и самоуверенным мог бы оказаться молодой редактор Interview.

Потом подали чай с разнообразными закусками. Все было очень элегантно. А затем Карл тихонько пригласил меня пройти с ним в его спальню. Энди широко и смущенно улыбнулся,

словно не мог себе представить, что бы это означало. Я тоже нервно улыбнулся. Я мог представить, но изо всех сил гнал эти мысли.

Я последовал за Карлом в огромную спальню, заставленную жаккардовыми сундуками и чемоданами Goyard всех возможных конфигураций и размеров. Он открыл сундуки и, как гейзер, извергающий ядовитый пепел, стал выбрасывать из них потрясающие крепдешиновые рубашки оттенков сочной травы и розового пиона, к каждой из которых прилагался шарф.

«Вот, возьми это. Тебе пойдет. Забирай. Я устал от этих рубашек! Они должны быть твоими». Он заказал пошив этих рубашек оптом в парижском бутике лондонской марки Hilditch&Key. У них были длинные рукава и красивые пуговицы. Я с радостью принял этот подарок.

Эти рубашки неизменно производили впечатление. Я гордился ими и щеголял в них, пока они не сносились. Вот так мы с Карлом встретились впервые. Мы дружили сорок лет. А потом дружбе пришел конец.

III

Энди переманил на позицию главного редактора Interview Розмари Кент, Армению, как ее называли, из Women's Wear Daily (WWD). На этом посту Розмари продержалась всего год, а вот обиду господин Джон Фэйрчайлд, владелец Fairchild Publications и издатель Women's Wear Daily (WWD), затаил надолго. Было дано жесткое распоряжение не публиковать фотографии Энди или Фреда. Сотрудники Interview стали персонами нон грата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.